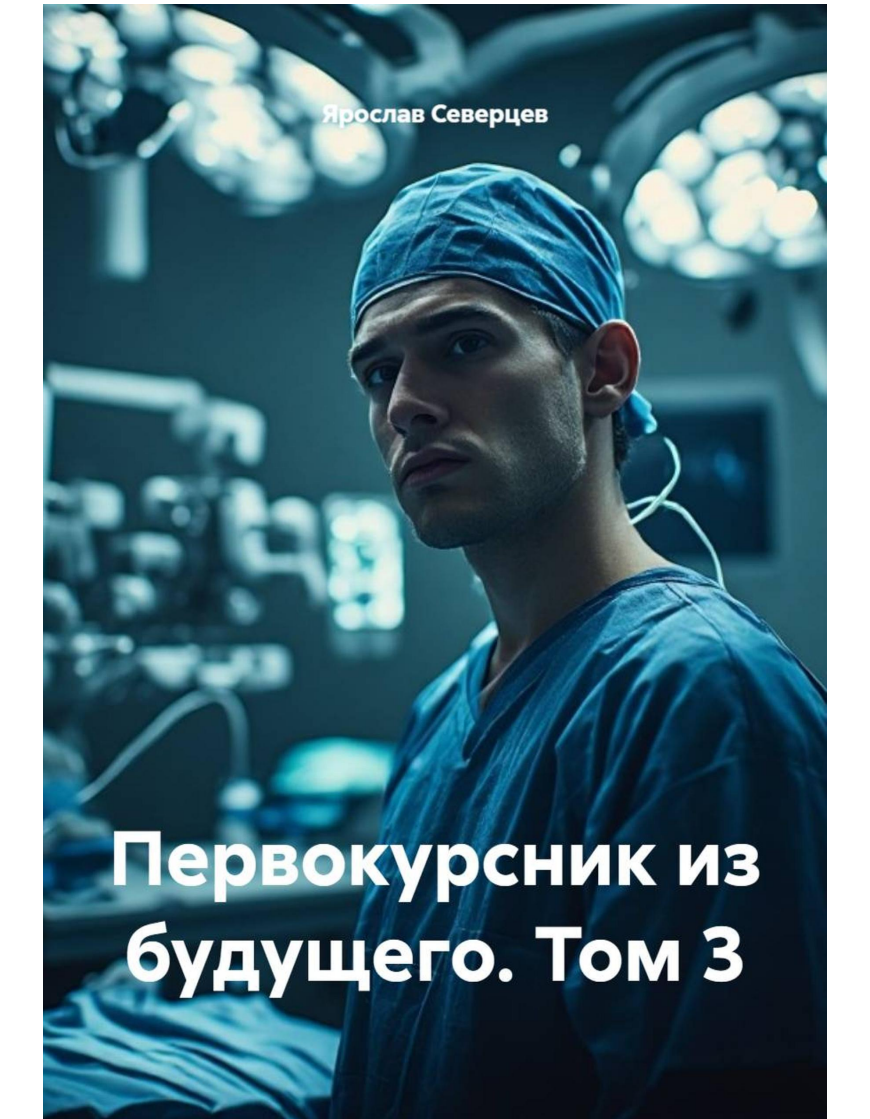

A young man with short dark hair, wearing a blue surgical cap and blue scrubs, is shown in a three-quarter profile view. He is looking towards the left of the frame with a serious expression. The background is a blurred operating room with bright surgical lights and medical equipment. The overall color palette is dominated by cool blues and greys.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 3

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 3

<https://litres.ru/74307557>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разум великого нейрохирурга будущего, Марка Саламоновича Вознесенского, загнан в умирающее тело. Счет идет на недели. Единственный шанс на выживание — дерзкий эксперимент по повторному переносу сознания, который может либо подарить академику новую жизнь, либо навсегда стереть его личность.

Но борьба за собственное существование перерастает в нечто большее. Москва 2026 года становится полем битвы между безжалостной номенклатурой и тайными силами из 2082 года. В ход идут прионное оружие, квантовые технологии и смертельные интриги. Спасая жизни пациентов, Вознесенский оказывается в центре заговора, где его прошлое, настоящее и будущее сплетены в тугой узел.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего. Том 3

ТОМ 3. ГЛАВА 1. Каротидный реверс

Запах стерильного озона, подогретого физиологического раствора и свежего пластика коаксиальных кабелей окутывал седьмой операционный блок Международного Института Нейропластичности в Сколково. Декабрьское солнце 2026 года едва пробивалось сквозь матовые стеклоблоки вентиляционного шлюза, оставляя на кафельном полу длинные блеклые полосы. На операционном столе под бестеневыми лампами «Chromophare» лежал пациент — сорокапятилетний мужчина с гигантской мешотчатой аневризмой супраclinoidного отдела левой внутренней сонной артерии. Стенка аневризмы, истонченная многолетней артериальной гипертензией, в месте выпячивания истончилась до предела, напоминая полупрозрачный пергамент. Любой скачок системного давления вверх — и кровь под давлением разорвет этот барьер, устроив тотальное субарахноидальное кровоизлияние с последующим дислокационным синдромом и смертью на столе.

Марк Саламонович Вознесенский сидел на высоком винтовом стуле в трех метрах от стола, скрытый за прозрачной

поликарбонатной ширмой. На девятнадцатилетнем теле Евгения Климова идеально сидел хирургический костюм глубокого синего цвета. Внешне — главный директор Института, неприкасаемый кавалер ордена Мужества, гений, перевернувший представление о российской нейрохирургии. Но внутри биологического сосуда шла изнурительная, глухая катастрофа.

«Синусовый ритм — девяносто два. Артериальное давление — сто сорок на navigate девяносто пять», — мысленно зафиксировал Вознесенский, пытаясь прижать подушечки пальцев правой руки к лучевой артерии на левом запястье. Левая рука не слушалась. Пальцы Климова согнулись в едва заметный, неподвижный замок, напоминающий «птичью лапу», а по тыльной стороне кисти пробежала мелкоразмашистая фасцикуляция — первый вегетативный признак гибели клеток моторной коры.

В левом ухе больше не зуммерило. Там стояла глухая, плотная, ватная тишина, периодически прерываемая короткими вспышками пульсирующего шума в такт сокращениям миокарда. Левое полушарие стремительно склерозировалось. Плотность 70-летнего когнитивного потока великого академика буквально выжигала незрелую кору вчерашнего мажора. Нейроны гибли миллиардами, не выдерживая синаптической перегрузки.

У операционного стола, прильнув к окулярам нового центрального микроскопа «Olympus Kinevo 900», стоял Никита

Соколов. Парень из Ижевска изменился до неузнаваемости: движения стали скупыми, прецизионными, взгляд через защитные очки — ледяным. Рядом, на первом микроретракторе, вспотев под маской, дежурил сам академик Шестаков, послушно выполняющий функции рядового ассистента. Старик полностью капитулировал перед гением Вознесенского и теперь хватал каждое слово девятнадцатилетнего парня как истину в последней инстанции.

В правом ухе Никиты тускло поблескивал микронаушник прямой связи с Вознесенским.

— Никита, — тихо, но с уничтожающей профессорской хладнокровностью произнес Женя в микрофон. Его прокуренный юношеский баритон на долю секунды прервался — язык едва заметно запнулся на звуке «л», выдав субклинический признак нарастающего пареза подъязычного нерва. — Выходи в латеральную щель. Работать строго по сильвиевой линии. Рассекай арахноидальную оболочку микроножницами только после визуализации поверхностной средней мозговой вены. Не смей коагулировать мостиковые вены, иначе получим венозный инфаркт височной доли еще до клипирования. Нам не нужны отеки в послеоперационном периоде.

— Вижу вену, Евгений Владимирович, — негромко ответил Соколов, и его правая рука совершила ювелирное микронное движение швейцарским биполярным пинцетом. — Провожу гидропрепаровку. Ввожу три кубика физиологического раствора в субарахноидальное пространство для рас-

слоения цистерн основания. Очищая операционное поле от ликвора.

— Хорошо. Не торопись, контролируй подачу раствора, — чеканил Женя, сжимая правой рукой титановый пинцет в кармане халата. — Теперь выходи на передний наклоненный отросток. Нам нужен доступ к проксимальному контролю внутренней сонной артерии. Шестаков, держите аспиратор строго под углом тридцать градусов к зрительному нерву. Не качать наконечником! Если вы заденете перекрест — хиазму, пациент ослепнет на оба глаза до того, как очнется от наркоза. Это вам не общая хирургия, здесь миллиметр в сторону — и человек инвалид.

Академик Шестаков под лампами вздрогнул, его седые усы под маской дернулись, но он беспрекословно зафиксировал руку с отсосом в указанной точке.

В окулярах микроскопа, транслирующего картинку на огромный 4К-монитор над столом, показалась пульсирующая стенка внутренней сонной артерии. Она была неестественно раздута, истончена и напоминала багровый, готовый лопнуть полупрозрачный пузырь. Гигантская аневризма. Сквозь её стенку отчетливо просвечивал турбулентный ток крови, завихрения которого создавали критическое напряжение на адвентицию сосуда.

И в этот самый момент внутри черепной коробки Жени Климова произошло то, чего Марк Вознесенский панически боялся.

Яркая, ослепительно-белая вспышка фотопсии разрежала сетчатку левого глаза, оставив после себя темное, слепое пятно скотомы. Пространство операционной мгновенно перекосилось, левая нога полностью потеряла чувствительность, став тяжелой, словно налитой жидким чугуном. Вознесенский качнулся на стуле, едва не соскользнув на кафельный пол. Сила тяжести будто увеличилась втрое. Но самым страшным было другое: он попытался открыть рот, чтобы скомандовать Никите «Стоп», но из его горла вырвалось лишь нечленораздельное, глухое мычание. Мысли были четкими, кристальными, структура операции стояла перед глазами в виде трехмерной схемы, но моторный центр речи — зона Брока в левой лобной доле — полностью отключился под ударом ишемического апоптоза. Тотальная моторная афазия. Он стал заложником в собственном засыпающем теле.

«Нет... Прекратить вегетативную бурю! Активировать коллатерали правого полушария через глубокие анастомозы!» — мысленно закричал Вознесенский, впиваясь ногтями правой руки в собственное бедро через ткань брюк, чтобы через болевой шок пробить синаптический блок. Но кора не реагировала на соматосенсорные стимулы. Левая половина тела стремительно каменела.

На мониторе над столом Никита Соколов уже заносил окончательный клипс «Yasargil» над шейкой аневризмы. Его бранши были открыты. Одно неверное движение — и жест-

кий подпружиненный металл перекусит истонченную адвентицию артерии, устраивая в ране такой профузный фонтан под давлением в сто сорок миллиметров ртутного столба, который смоем всю мануальную репутацию Сколково за пять секунд. Поднявшийся уровень крови мгновенно зальет линзы микроскопа, и спасти пациента будет физически невозможно.

Никита в наушнике слышал только тяжелое, прерывистое, хриплое дыхание Жени, сменяющееся свистом.

— Евгений Владимирович? — Соколов на секунду замер, его пинцет завис в миллиметре от блуждающего нерва. — Накладывать клипс? Угол правильный? Я не вижу проксимальный край шейки из-за нависания зрительного тракта. Евгений Владимирович, ответьте! Ситуация критическая, стенка истончена!

Женя сидел каменный, капли холодного пота градом капились по его бледному лицу. Юношеское лицо Климова сейчас выглядело на все семьдесят лет Вознесенского — осунувшееся, с сероватым оттенком кожи. Он понимал: если Никита нажмет на рукоятку клипса прямо сейчас, вслепую, он неизбежно захватит в замок перфорирующие артерии задней соединительной ветви. Пациент получит тотальный ишемический инсульт ствола мозга прямо на столе и превратится в «овощ».

Нужно было сказать одно слово. «Реверс». Повернуть ось микроскопа латерально на десять градусов, чтобы открыть

слепую зону. Но речевой центр был мертв, заблокирован склеротическими бляшками и апоптозными тельцами.

Тогда Марк Саламонович Вознесенский сделал то, чего не делал ни один нейрохирург в истории медицины. Используя уцелевшую правую руку, преодолевая дикое сопротивление собственного засыпающего подкоркового центра, он выхватил из кармана халата свой смартфон, соединенный через локальный выделенный Wi-Fi-канал с операционной системой микроскопа «Kinevo». Экран телефона двоился перед глазами, левый глаз видел лишь размытые контуры. Но пальцы правой руки Климова, подчиняясь глубоким мануальным рефлексам академика, за секунду открыли инженерный терминал софта. Скользящий удар по сенсору, ввод резервного кода администратора.

В ту же секунду массивный металлический штатив робот-микроскопа над головой Шестакова плавно, с тихим гидравлическим свистом сместил оптическую ось ровно на двенадцать градусов латерально и на четыре градуса кзади. Автоматика отработала безупречно.

Картинка на мониторе сместилась. В тусклом коаксиальном свете обнажился скрытый до этого слепой карман артерии. Никита Соколов невольно ахнул, отшатнувшись от окуляров микроскопа, но тут же снова прильнул к ним. Прямо под браншами его титанового клипса лежала крошечная, тонкая как волосок передняя ворсинчатая артерия, уходящая к внутренней капсуле мозга. Если бы он нажал на пор-

шень рукоятки секундой раньше — сосуд был бы перебит, и пациент остался бы парализованным на всю жизнь с глубокой гемиплегией.

— Боже... — прошептал Никита, вытирая плечом пот со лба. — Извините, Евгений Владимирович. Я понял. Вижу перфорант. Выделяю шейку аневризмы субмиллиметровым диссектором. Увожу ворсинчатую артерию из зоны зажима.

Соколов точным, выверенным движением отвел микроскопический сосуд в сторону, завел клипс строго на истинную горловину пузыря и плавно разжал бранши. Металл защелкнулся с тихим, сухим звуком. Пульсация аневризмы мгновенно прекратилась. Багровый пузырь опал, посинел и превратился в пустой, безжизненный кожный лоскут. Стенка внутренней сонной артерии восстановила свою естественную анатомическую форму. Перфузия левого полушария пациента осталась идеальной, кровь пошла по прямому руслу.

— Давление сто <двадцать на восемьдесят! Ритм синусовый, стабильный! — восторженный голос врача-анестезиолога за ширмой разорвал гробовую тишину операционного блока. — Кровопотеря ноль! Вы невероятные, коллеги! Это чистая победа!

Женя Климов в своем кресле сделал глубокий, судорожный выдох. Блок в лобной доле медленно, со скрипом начал поддаваться под напором пробивающегося кровотока по анастомозам правого полушария. Чувствительность в губах возвращалась со вкусом меди, игольчатого покалывания и

холода. Мышечный спазм в горле ослаб.

— Никита... — хрипло, едва разжимая сведенную легким парезом челюсть, произнес Женя в микрофон. — Проведи контрольную доплерографию по ходу средней мозговой артерии. Убедись, что индекс пульсации не ниже нуля целых шести десятых. Мы должны быть уверены в отсутствии микротромбов. Шестаков, зашивайте твердую мозговую оболочку непрерывным швом нитью пролен четыре нуля. Без натяжения. И не забудьте про герметизацию, используйте тахокомб на стыках, чтобы избежать ликвореи.

Шестаков послушно кивнул, беря в руки иглодержатель и послушно склоняясь над раной. Старый академик даже не посмотрел в сторону директора — он был слишком увлечен ювелирным финалом операции.

Женя медленно поднялся с винтового стула, опираясь правой рукой на спинку. Левая нога по-прежнему волочилась, превращая его некогда легкую, разболтанную походку девятнадцатилетнего мажора в тяжелый, асимметричный шаг хромого инвалида. Он подошел к выходу из операционной, толкнув локтем герметичную дверь шлюза.

В предоперационном блоке он сорвал с себя маску. Лицо в зеркале над раковиной пугало: бледное, с глубокими тенями под глазами. Времени не было. Операция была выиграна, но Марк Вознесенский знал: его личный хронометр запустил обратный отсчет. Четыре месяца сузились до нескольких недель. Тело Климова выгорало с геометрической прогрес-

сией. Плотность взрослого разума уничтожала юный мозг, и если в ближайшие дни они не развернут подпольные контуры проекта «Второй сосуд», Третий том его жизни завершится в патологоанатомическом отделении его собственного Института.

Выйдя в панорамный коридор административного крыла Сколково, Женя направился к своему кабинету. Каждый шаг давался с трудом, левая туфля неприятно шаркала по дорожному матовому керамограниту. Возле дверей его кабинета уже ждала Кристина Шестакова. В строгом черном брючном костюме, с папкой документов в руках, она выглядела сосредоточенной и встревоженной. Теперь, когда она возглавляла международный юридический департамент фонда, её аналитический ум работал на полную мощность.

— Евгений Владимирович, у нас проблемы, — тихо сказала она, оглядываясь по сторонам. — Из Мэрии пришел неофициальный запрос. Шахов-старший инициировал внутреннюю проверку целевого использования бюджетных средств нашего Института. Он поднимает архивы по закупкам криогенного оборудования и квантовых инжекторов. Прямоую закрыть нас из-за президентского иммунитета он не может, но он бьет по логистике. Поставки жидкого азота для блока Б-3 заблокированы на таможенном терминале под предлогом проверки безопасности после... после инцидента с его сыном Денисом.

Женя остановился, тяжело опершись здоровой правой ру-

кой на дверной косяк. Взгляд его сузился, превратившись в две ледяные щелочки. Шахов-старший пошел ва-банк, используя смерть сына как таран. Без жидкого азота и криогенных контуров запуск проекта «Второй сосуд» станет невозможным — квантовая матрица переноса сознания просто сгорит от теплового взрыва в первые три секунды работы.

— Кристина, зайди, — хрипло выговорил Женя, открывая дверь электронным ключом-картой. — Запри дверь. Нам нужно скорректировать планы. Хроно-контроль ослеп, но внутренние враги времени не теряют.

Он сел в глубокое кожаное кресло, стараясь спрятать неподвижную левую руку под стол. Паутина интриг вокруг Сколково начинала затягиваться, а его собственный мозг медленно превращался в соединительную ткань. Игра наперегонки со смертью официально началась.

ТОМ 3. ГЛАВА 2. Номенклатурный щит

Кабинет директора Международного Института Нейропластичности в Сколково проектировался по канонам современной скандинавской архитектуры: панорамное остекление в пол, матовый серый керамогранит с подогревом, мебель из мореного дуба и полное отсутствие прямых углов. Никакого советского или неоклассического ампира, который так любили чиновники из министерств. Этот кабинет должен был транслировать одну-единственную мысль: здесь находится будущее.

Но сейчас это будущее сидело в глубоком кожаном кресле

и с трудом удерживало равновесие.

Марк Саламонович Вознесенский, запертый в девятнадцатилетнем теле Евгения Климова, смотрел на свои руки. Правая ладонь была теплой, сухой и послушной. Левая — бледной, прохладной, с едва заметным синюшным оттенком у основания ногтевых лож. Большой палец левой руки периодически совершал короткие, произвольные приведения к ладони — субклинический тремор, признак того, что пирамидный тракт в области внутренней капсулы правого полушария начинает испытывать вторичную ишемическую декомпрессию.

— Евгений Владимирович, машина Владимира Сергеевича прошла первый пост охраны, — тихий голос Кристины Шестаковой, раздавшийся из селектора интеркома, заставил Женю вздрогнуть. — Генерал Полуянов выделил три машины сопровождения. Отец едет к нам напрямую из Белого дома. Без прессы и помощников.

— Принял, Кристина... — выговорил Женя. Звуки давались ему легче, чем полчаса назад в операционной, но он чувствовал, как внутри черепной коробки, за левой височной костью, медленно раздувается тупая, пульсирующая боль. — Проводи... его... сразу ко мне.

Он отключил связь. Сказать «проводи его» удалось только со второй попытки — речевой аппарат Климова буксовал, словно шестеренки, в которые насыпали мелкого песка. Диффузный склероз коры не давал поблажек. Апоптозные

тельца блокировали синапсы, и Вознесенскому приходилось буквально силой воли, через лобные доли правого полушария, прокладывать новые обходные нервные пути для каждого слова.

Через семь минут двойные дубовые двери кабинета плавно разошлись.

Владимир Сергеевич Климов, исполняющий обязанности министра здравоохранения Российской Федерации, вошел в кабинет размашистым, тяжелым шагом хозяина жизни. На нем был безупречный темно-серый костюм-тройка от «Brioni», темно-синий галстук, зафиксированный золотым зажимом, а в руке он сжимал тяжелый кожаный портфель с тисненым гербом министерства. За последние недели, прошедшие с момента его чудесного спасения в питерской «Астории», Климов-старший визуально помолодел, развернул плечи и приобрел ту самую номенклатурную монолитность, которая отличает чиновников высшего эшелона власти. Он больше не был запуганным бизнесменом — он стал государственной фигурой.

— Женя, — Владимир Сергеевич с ходу бросил портфель на стол из мореного дуба и, не садясь, внимательно посмотрел на сына. В его глазах смешались гордость, тревога и глубокое, чисто профессиональное чиновничье недоверие. — Ты понимаешь, что устроил твой фонд? Шахов-старший сегодня трижды выходил на трибуну во время закрытого селекторного совещания Правительства. Он орет, что

твой институт в Сколково — это бесконтрольная биологическая угроза, прикрытая липовыми указами.

Женя попытался подняться, чтобы поприветствовать отца, но левая нога предательски подогнулась в колене. Ему пришлось резко опереться правой рукой о подлокотник кресла, чтобы не рухнуть обратно. Это движение не укрылось от взгляда министра. Владимир Сергеевич прищурился, его губы сжались в тонкую линию.

— Садись, садись, не вставай, — Климов-старший сам опустился в кресло напротив, положив руки на стол. — Что у тебя с ногой? Кристина сказала, что ты переутомился на демонстрационной операции. Но я вижу асимметрию плечевого пояса. Ты хромаешь, Женя. И цвет лица... Ты сдал назад. Наночистоты и вакцина выжали из тебя все соки?

— Ерунда, — хрипло бросил Женя, стараясь говорить быстрее, чтобы скрыть парезы. — Обычный... поствакцинальный... астенический синдром. Высокий титр антител к прионам дает перекрестную реакцию на миелиновые оболочки. Пройдет через неделю. Сейчас не об этом. Шахов перекрыл... таможню.

Владимир Сергеевич вздохнул, открыл портфель и достал оттуда плотную распечатку с красным штампом «Для служебного пользования».

— Он действует юридически грамотно, подлец, — тихо произнес министр, пододвигая лист к Жене. — Формально Мэрия Москвы не имеет права вмешиваться в работу

Сколково. Но Шахов задействовал Центральную акцизную таможню и Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору. Твой груз — двенадцать тонн сжиженного медицинского азота высокой чистоты марки «ОСЧ» и три комплекта квантовых коаксиальных инжекторов немецкого производства — задержан на СВХ «Гусар» под Одинцово.

— На каком... основании? — спросил Женя, чувствуя, как внутри закипает ярость академика Вознесенского. Ему, человеку, который в 2080-х годах открывал пинком двери в международные консорциумы, приходилось спорить из-за таможенных деклараций.

— На основании статьи 249 Таможенного кодекса ЕАЭС, — жестко отчеканил отец. — Несоответствие кодов ТН ВЭД. Твои логисты заявили инжекторы как гражданское лабораторное оборудование общего профиля. А Ростехнадзор по указке Шахова выдал экспертное заключение, что эти приборы могут быть использованы для создания криогенного оружия или несанкционированных генетических модификаций первого класса опасности. Груз заблокирован до проведения полной государственной экспертизы. А это — от шести месяцев до года.

Женя замер. Полгода. У него не было этих шести месяцев. Диффузный склероз сотрет его личность, его уникальную мануальную память и когнитивные паттерны уже через шесть-восемь недель. Проект «Второй сосуд» должен быть

запущен максимум через двадцать дней.

Он попытался сформулировать ответ, построить сложную, многоуровневую юридическую контратаку, задействовать указы Президента об особом статусе Сколково... Но слова вдруг начали рассыпаться прямо в его сознании.

Марк Саламонович с ужасом понял, что видит буквы, видит смыслы, но не может собрать их в синтаксическую цепь. В лобной доле словно лопнула невидимая плотина.

— Шахов... должен... — выговорил Женя, но вместо слова «понимать» из его рта вырвалось нелепое, рваное: — ...по-ни-ма... по-ни-ма-то... соображать. Азот... это... холодный... субстрат для... для...

Он замолчал, судорожно глотая воздух. Правая рука начала мелко подрагивать. Он хотел сказать «для охлаждения квантовой матрицы контура переноса», но вместо этого его мозг выдал пугающую пустоту. Слова «матрица», «контур», «охлаждение» исчезли из его активного лексикона, превратившись в блеклые, недоступные тени. Это была глубокая амнестическая афазия, переходящая в моторный блок.

Владимир Сергеевич Климов медленно подался вперед. Его номенклатурное лицо мгновенно растеряло всю строгость. Как опытный управленец и человек, который сам едва не погиб от инсульта в «Астории», он мгновенно распознал симптоматику. Это не было усталостью. Перед ним сидел человек с классическими признаками острого очагового поражения головного мозга.

— Женя... — тихо, с придыханием произнес министр, всматриваясь в зрачки сына. Левый зрачок Жени был расширен — умеренный мидриаз, признак раздражения глазодвигательного нерва. — Что с тобой происходит? Ну-ка, посмотри на мою руку. Посмотри на палец!

Владимир Сергеевич поднял указательный палец правой руки и медленно повел им из стороны в сторону, проверяя конвергенцию и аккомодацию. Глаза Жени следили за пальцем, но левое яблоко двигалось с явным осциллирующим опозданием — нистагм.

— Ты... ты умираешь? — голос министра дрогнул. В нем сейчас говорил не чиновник, а отец, который совсем недавно обрел своего заново переродившегося, гениального сына. — Это из-за прионов? Из-за той слепой операции, которую ты провел Полуянову? Отвечай мне! Не смей молчать!

Женя зажмурился, до боли сжав зубы. Мысли метались внутри черепа, как пойманные птицы. «Я не твой сын, Владимир. Я — Марк Вознесенский. И мой мозг выгорает, потому что это тело слишком мало для моего разума!» — хотел крикнуть он. Но речевой центр выдал лишь глухой, гортанный хрип.

Тогда Женя резко вытянул правую руку, схватил со стола дорогую перьевую ручку «Montblanc» и перевернул лежащий перед ним лист таможенной декларации чистой стороной вверх. Снайперским, идеально точным мануальным движением, которое не под силу ни одному девятнадцатилетне-

му мажору, он начал писать на бумаге ровным, каллиграфическим почерком, изобилующим латинскими терминами:

«Диффузный склероз коры левого полушария. Апоптоз нейронов третьей и пятой цитоархитектонических зон. Скорость деструкции — 1,2% клеточного объема в сутки. Моторная афазия Брока субкомпенсированная. Жить в этом теле с сохранением высшей когнитивной деятельности осталось 30–40 дней. Проект "Второй сосуд" — это единственная технологическая возможность сохранить мой разум через повторный нейро-перенос. Мне нужен этот жидкий азот. Без него контур сгорит, и я умру окончательно. Вытащи груз с таможни, отец. Сделай это ради будущего».

Владимир Сергеевич Климов читал текст, и его лицо постепенно становилось бледнее бумаги. Он перечитывал строчки трижды, вглядываясь в жесткий, абсолютно взрослый, профессорский почерк девятнадцатилетнего мальчишки. Текст был написан с такой леденящей душу медицинской точностью и цинизмом, которые могли принадлежать только старому, умудренному опытом хирургу, привыкшему заполнять протоколы вскрытия.

Министр поднял глаза. Перед ним сидел Женя Климов, но взгляд этих глаз был абсолютно чужим. В нем не было ничего от прежнего Женьки — трусливого, глупого прожигателя отцовских денег. На него смотрел древний, холодный, пугающий разум великого хирурга.

— КТО ты? — прошептал Владимир Сергеевич, и его голос сорвался на фальцет. Рука министра, лежащая на столе, заметно задрожала. — Ты... ты не мой сын. Мой сын не знал, что такое апоптоз и миелиновые оболочки. Мой сын не умел писать латынью. Кто сидит в теле моего мальчика?

Женя медленно забрал ручку, опустил глаза и размашисто дописал внизу листа последнюю фразу:

«Я тот, кто спас тебе жизнь на полу в отеле "Астория", удалив тромб из сонной артерии. Я тот, кто вытащил твою фамилию из грязи и сделал тебя министром. Твой настоящий сын погиб от передозировки в первый день моего появления. Но если ты поможешь мне сейчас — фамилия Климовых навсегда войдет в мировую историю медицины. Выбор за тобой, Владимир Сергеевич».

В кабинете повисла удушающая, гробовая тишина. Было слышно лишь, как мерно и тихо гудит приточно-вытяжная вентиляция Сколково. Климов-старший медленно поднялся с кресла, его взгляд был прикован к рукописному тексту. В его голове сейчас рушился весь мир, вся выстроенная за последние месяцы иллюзия семейного счастья и гордости за гениального наследника.

Он подошел к панорамному окну, глядя на заснеженные корпуса Сколково. Минута, две, три... Время тянулось, как густой сироп. Женя сидел неподвижно, контролируя дыхание и чувствуя, как спазм афазии постепенно отступает, оставляя после себя дикую, изнуряющую мигрень.

Наконец, министр повернулся. Лицо его казалось каменной маской. Одинокая слеза скатилась по его щеке, но взгляд стал жестким, чисто номенклатурным.

— Под Одинцово, на терминале «Гусар», дежурит сводный отряд специального назначения таможни, — сухо, безэмоционально произнес Владимир Сергеевич. — Прямым приказом Минздрава я их не сдвину. Но... как исполняющий обязанности министра, я могу объявить этот груз "Критически важным государственным стратегическим компонентом для ликвидации последствий прионной вспышки". Я подпишу распоряжение через тридцать минут. Полуянов выделит тяжелые бронированные грузовики ФСБ. Завтра утром жидкий азот и инжекторы будут в твоём подземном блоке, кем бы ты ни был.

Он подошел к столу, забрал свой портфель и, не глядя на Женю, направился к выходу. У самой двери он остановился, взявшись за ручку.

— Но учти... Марк, или как тебя там... — не оборачиваясь, тихо сказал Климов-старший. — Если ты не развернешь свой проект, и это тело погибнет до того, как ты закончишь реформу здравоохранения, которую мы начали — я лично позабочусь о том, чтобы твой Институт стерли с лица земли вместе со всеми твоими технологиями будущего. Понял меня?

— Понял, — четко, без запинки ответил Женя. Спазм отпустил речевой центр. — Спасибо... отец.

Двери закрылись. Вознесенский остался один в кабинете. Первый раунд игры был выигран, но самая страшная тайна его перерождения теперь перестала быть тайной. Логистика была разблокирована, но в спину ему теперь смотрел не любящий отец, а жестокий номенклатурный союзник, который не простит малейшей ошибки.

В кабинет быстро зашла Кристина Шестакова, её глаза были расширены от испуга.

— Евгений Владимирович, Владимир Сергеевич вышел отсюда сам не свой. Он прошел мимо меня и даже не поздоровался. Что произошло? Он поможет с таможней?

— Да, — Женя медленно встал, левая нога всё еще немного отставала, но он уже контролировал шаг. — Завтра азот будет в блоке Б-3. Объявляй общий сбор лаборатории. Соколов, ты, твой дед Шестаков. Время разговоров вышло. Мы начинаем монтаж контура «Второго сосуда». Но перед этим нам нужно устранить еще одну уязвимость.

Он подошел к сейфу в стене, открыл его правой рукой и достал личное дело Алины Воропаевой. Хроно-контроль молчал, но это молчание пугало Вознесенского больше, чем открытая война.

ТОМ 3. ГЛАВА 3. Исповедь Алины

Спецобъект ФСБ «Звезда», скрытый под видом неприемного научно-исследовательского института рентгенодиагностики в районе Профсоюзной улицы, встретил Жени

Климова глухим, монотонным гулом подземных климатических установок. Здесь не было окон, а стены коридоров были выкрашены в тусклый оливковый цвет, полностью поглощающий свет люминесцентных ламп. Воздух пах сухим медицинским спиртом, хлоргексидином и старым железом — классический запах закрытых распределителей, где время словно замерзло.

Женя шел по коридору третьего подземного яруса, тяжело опираясь на массивную трость из черного дерева с титановым набалдашником. Трость была не элементом стиля мажора — она стала биомеханической необходимостью. Левая нога Климова при каждом шаге совершала характерное полукружное движение наружу — классическая походка Вернике-Манна, верный спутник поражения внутренней капсулы мозга.

Каждый метр давался с боем. Глубоко внутри, в синаптических картах левого полушария Марка Вознесенского, бушевал безмолвный пожар: ишемизированные нейроны подавали сигналы SOS, выбрасывая в межклеточное пространство избыток глутамата, что лишь ускоряло эксайтотоксичность и гибель соседних клеток.

— Евгений Владимирович, объект находится в камере триста двенадцать, — негромко произнес сопровождающий его капитан ФСБ, шедший на полшага впереди. — Физическое состояние удовлетворительное. По вашему распоряжению медикаментозная седация отключена сорок восемь ча-

сов назад. Психоэмоциональный статус стабилен, но фиксируется умеренная депрессивная симптоматика.

— Свободны, капитан. Ждите... за периметром, — хрипло ответил Женя. Глухие согласные давались ему с трудом, приходилось сильно артикулировать, задействуя круговую мышцу рта. — Наблюдение... отключить. Полностью. Это приказ... генерала Полуянова.

Капитан коротко кивнул, приложил пластиковую карту к считывателю тяжелой бронированной двери и отошел в сторону. Закладывающий уши щелчок гидравлического замка разорвал тишину. Женя толкнул дверь правой рукой и вошел внутрь.

Комната триста двенадцать меньше всего напоминала тюремную камеру. Скорее, это был спартанский больничный бокс: белоснежная кровать, привинченный к полу стол, два стула и тусклый панорамный светильник за антивандальным стеклом на потолке.

Алина Воропаева, бывшая староста курса и бывший оперативный агент Хроно-контроля, сидела на краю кровати. На ней была простая серая медицинская роба без завязок и пуговиц. Её некогда идеальная студенческая осанка исчезла — плечи были опущены, а длинные темные волосы собраны в небрежный пучок на затылке. Лицо осунулось, кожа приобрела бледный, почти прозрачный оттенок, какой бывает у людей, месяцами не видящих солнечного света.

При звуке шагов она медленно подняла голову. Её серые

глаза, обычно холодные и расчетливые, сфокусировались на Жене. Взгляд Алины скользнул по его лицу, опустился к правой руке, сжимающей трость, и зафиксировался на левой ноге, которую ГГ подволакивал с явным усилием.

На её губах появилась слабая, горькая усмешка.

— Привет, староста, — тихо, сорванным голосом произнесла она. — Рано или поздно ты должен был прийти. Но я не думала, что «Альфа-Деструктор» сожрет тебя так быстро.

Женя с глухим стуком опустил трость на линолеум, с трудом повернулся и сел на стул напротив стола. Левую руку он уложил на колено, как чужеродный, неподвижный предмет.

— Ты знала... что этот протокол... запустится? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. Профессорский взгляд Вознесенского сквозь юношеские зрачки Климова по-прежнему обладал сокрушительной ментальной силой.

— Я знала структуру контура, Марк Саламонович, — Алина впервые назвала его настоящим именем, и от этого звука в закрытом боксе словно упала температура. Она пересела за стол, положив худые руки на матовую поверхность. — Проект «Первокурсник» никогда не был долгосрочным решением. Твой семидесятилетний разум в будущем, в 2082 году, совершил фатальную ошибку, когда рассчитывал математическую модель переноса сознания в девятнадцатилетний биологический сосуд. Ты взял тело мажора с незрелой архитектоникой коры, с дефицитом нейротрофических факторов и высоким уровнем дофаминового выгорания. Плот-

ность твоей когнитивной матрицы — это терабайты информации, мануальных рефлексов и памяти. Это как запустить промышленный ток высокого напряжения по бытовой проводке. Проводка должна была сгореть. И она горит.

Женя слушал её, чувствуя, как за левой глазницей начинает пульсировать острая, кинжальная боль — признак нарастающего отека перифокальной зоны.

— Диффузный склероз... — хрипло выговорил он. — Очаги в лобной... и теменной долях. Скорость апоптоза... превышает... регенерацию. Сколько у меня... осталось?

Алина внимательно осмотрела его лицо, фиксируя едва заметное сглаживание левой носогубной складки — признак центрального пареза лицевого нерва.

— Три недели, — сухо резюмировала она, как врач на консилиуме. — Максимум четыре, если Никита Соколов будет ежедневно капать тебе максимальные дозы церебролизина, цитиколина и держать на аппаратной гипотермии. Потом начнется тотальная моторная афазия, разрушение проводящих путей продолговатого мозга, бульбарный синдром и остановка дыхания. Твой «Альфа-Деструктор» работает безупречно. Ты сам заложил этот аварийный таймер в будущем, чтобы твой клон в прошлом не смог изменить ход истории, если сойдет с ума. Ты перехитрил сам себя, академик Вознесенский.

Женя наклонился вперед, его правая рука мертвой хваткой вцепилась в край стола.

— Мне не нужны... твои лекции... Алина, — процедил он, и в его голосе прорезался ледяной металл. — Я разворачиваю... проект... "Второй сосуд". Оборудование... инъекторы и азот... уже едут в Сколково. Мне нужны... чистые софты. Коды квантового... резонанса Хроно-контроля. Внешний контур... будущего ослеп после моего импульса, но... локальные базы... в Москве остались. Ты их знаешь.

Алина откинулась на спинку стула, её глаза сузились.

— «Второй сосуд»? Повторный перенос сознания в 2026 году? — в её голосе послышался неподдельный страх. — Это безумие! Без стабилизационных серверов из 2082 года квантовая матрица при перепривязке распадется на базовые когнитоны. Ты не просто умрешь, Марк, твоя личность превратится в цифровой шум, в кашу из обрывков памяти и детских воспоминаний Климова!

— Контур... будет... модифицирован, — Женя чеканил каждое слово, преодолевая нарастающий блок в горле. — Никита Соколов... проведет операцию. Мне нужны... спецификации частот. Выдай их мне... Алина. Ты ведь... не хочешь... чтобы я умер? Ты... не ввела мутаген Полуянову... потому что...

Он не договорил, но Алина всё поняла. Цвет её лица мгновенно изменился, на щеках проступил лихорадочный румянец. Она резко встала, сделала два шага по камере и повернулась к нему спиной, сжимая локти руками.

— Да, я не смогла! — выкрикнула она, и её голос эхом

ударился о бетонные стены. — Потому что я увидела в тебе то, чего не было во всех учебниках Хроно-контроля! Ты не клон и не биологический террорист. Ты — великий врач, который искренне пытался спасти этот чертов, гнивающий мир от прионного ада! Но то, что ты просишь сейчас — это билет в один конец для нас обоих. Если Хроно-контроль зафиксирует вторичный квантовый всплеск в Москве, они не станут посылать агентов. Они просто сотрут этот временной пласт через каскадный реверс реальности. Мы все исчезнем!

— Мы... и так... исчезнем, — Женя медленно, с трудом поднялся, опираясь на трость, и сделал один тяжелый шаг к ней. — Шахов-старший... копает под Институт. Без меня... Сколково закроют... через месяц. Вакцинация... остановится. Прионы... вернутся. Ты этого... хочешь?

Алина молчала. Её плечи мелко дрожали. Она понимала, что Вознесенский прав со своей железной, хирургической логикой: если ГГ погибнет, хрупкий баланс, который он выстроил в 2026 году, рухнет, как карточный домик.

Она медленно повернулась к нему. В её глазах больше не было страха — там появилось холодное, отчаянное решение.

— Хорошо, — тихо сказала она, подходя к столу. — Я выдам тебе частотные софты. Кураторы использовали скрытый сервер на базе заброшенного центра космической связи в Медвежьих Озерах. Там в подземном бункере стоит квантовый репитер первого поколения, замаскированный под старую АТС. Его контуры синхронизированы с биополями аген-

тов. Я помню корневой пароль доступа и алгоритм шифрования «Янус-64».

Она сделала паузу, её взгляд стал жестким, пронзительным.

— Но у меня есть два условия, Марк. Без них ты не получишь ни одной строчки кода.

Женя слегка наклонил голову, показывая, что слушает.

— Первое условие: ты забираешь меня отсюда, — отекала Алина. — Прямо сейчас. Статус заключенной ФСБ меня не устраивает. Я должна находиться в Сколково, в блоке Б-3, и лично контролировать сборку квантового инжектора. Твой Никита Соколов — гениальный мануал, но в квантовой нейродинамике он полный ноль. Он перепутает фазы и выжжет тебе остатки гиппокампа. Я буду со-оператором твоего переноса.

— Принято, — без колебаний ответил Женя. — Полуянов... оформит тебя... как секретного... эксперта-консультанта Института. Второе... условие?

Алина сделала глубокий вдох, её грудь высоко вздымалась под серой робой.

— Второе условие: ты включишь в матрицу проекта «Второй сосуд» контур синхронизации для двоих, — тихо, но отдельно произнесла она. — Если твой перенос окажется успешным, и ты выживешь в новом теле — ты вытащишь и мой разум тоже. Хроно-контроль никогда не оставит меня в живых в этом времени после предательства. Я хочу уйти

вместе с тобой, Вознесенский. В новое тело, в новую жизнь, куда угодно. Или мы побеждаем вдвоем, или сгораем прямо на операционном столе Сколково.

Марк Саламонович Вознесенский замер. Такой поворот сюжета не просчитывал даже его семидесятилетний опыт. Двойной перенос сознания в условиях технологического дефицита 2026 года — это умножение всех рисков на десять. Но глядя в решительные, полные отчаянной решимости глаза Алины, он понимал: у него нет выбора. Без её кодов и знаний софта инжекторов проект «Второй сосуд» не запустится вовсе.

Он медленно протянул правую руку над столом.

— Договор, — хрипло произнес Женя.

Алина протянула свою руку, и их ладони соединились в жестком, сухом рукопожатии. В этот момент за левой височной костью Жени снова сработал глухой, пульсирующий молот боли, но Вознесенский лишь крепче сжал её пальцы. Союз со спецслужбами будущего был заключен

ТОМ 3. ГЛАВА 4. Рейд на Медвежьи Озера

Подмосковная ночь встретила колонну из трех тонированных броневедомств «Фалькатус» ФСБ РФ плотной, колючей ледяной крупой. Декабрьский ветер гнал поземку по разбитому асфальту узкого шоссе, ведущего в сторону заброшенного центра космической связи в Медвежьих Озерах. Огромные, черные силуэты законсервированных радиотелескопов РТ-64 выплывали из темноты, словно скелеты дои-

исторических чудовищ, раскинувших свои ржавые параболические решетки к низкому небу.

На заднем сиденье головного броневика, зажатый между генерал-лейтенантом Полуяновым и Алиной Воропаевой, сидел Евгений Климов. В салоне пахло оружейным маслом, дорогой кожей и сыростью от тактической экипировки бойцов Альфы, сидевших напротив. На коленях Жени лежала неизменная титановая трость, а его правая рука то и дело проверяла пульс на левом запястье.

«Синусовый ритм — сто одиннадцать. Выраженная тахикардия. Эксайтотоксический каскад продолжается», — констатировал Вознесенский. Каждый толчок броневика на ухабах отзывался в его левом полушарии острой, сверлящей болью, локализованной в проекции средней мозговой артерии. Чтобы сохранить остатки координации, он тайно ввел себе перед выездом тридцать кубиков концентрированного раствора сульфата магния через катетер в правую кубитальную вену — это немного стабилизировало мембраны умирающих нейронов, но давало дикое ощущение жара в груди.

Алина сидела неподвижно. На ней был плотный черный комбинезон сотрудника ФСБ без знаков различия и бронежилет «Гладиатор». Её лицо, подсвеченное тусклым экраном тактического планшета, казалось сосредоточенной маской. Она выстраивала маршрут по подземным коммуникациям старой советской базы, где кураторы Хроно-контроля оборудовали свой скрытый узел связи.

— Внимание всем группам, подход к объекту через две минуты, — глухо раздался в гарнитуре Полуянова голос командира штурмовой группы с позывным «Борз». — На внешнем периметре зафиксировано движение. Минимум двенадцать единиц живой силы. Экипировка коммерческая, тепловизоры, автоматическое оружие калибра пять-сорок пять. Это не государственная охрана. Это ЧОП «Щит-М», подконтрольный структурам Шахова-старшего.

Полуянов жестко хмыкнул, передернув затвор своего пистолета Ярыгина.

— Шахов совсем берега попутал, — процедил генерал, косясь на Женю. — Выставил боевиков на закрытом объекте связи. Он ищет то же самое, что и мы, Евгений Владимирович. Компромат на твой Институт, который позволит ему раздавить нас в суде.

— Нам... нужен... репитер, — хрипло, с явным усилием выговорил Женя, заставляя затекшие мышцы лица шевелиться. Его артикуляция ухудшалась, левый угол рта уже окончательно перестал слушаться, из-за чего речь приобрела характерный «профессорский» парезный свист. — Без квантового... софта... азот в Сколково — просто... бесполезный газ. Борз... работать... чисто. Живыми... брать... инженеров, если... они там есть.

Броневики плавно, без фар, используя только приборы ночного видения, затормозили у полуразрушенного ангара бывшей дизельной подстанции. Бойцы «Альфы» бесшумно,

как тени, посыпались из десантных люков, растворяясь в метели. Через секунду со стороны главного входа в подземный бункер донеслись короткие, глухие хлопки — заработали автоматы с глушителями «Вал».

— Периметр смят, трое трехсотых у противника, — отчеканил Борз через три минуты. — Входим в подземный коллектор. Евгений Владимирович, Алина Игоревна — выдвигайтесь в сопровождении второго звена. Здесь глубокие лестничные пролеты, осторожнее.

Женя тяжело поднялся, опираясь на трость. Левая нога двигалась неохотно, совершая широкую дугу наружу, подошва со шуршанием цепляла бетонный пол ангара. Алина перехватила его под правую руку, помогая удерживать баланс. В этот момент она была не врагом и не агентом будущего — она была со-оператором, которая понимала, что их жизни теперь связаны одним квантовым узлом.

Они спустились по сырой, покрытой каплями конденсата стальной лестнице на глубину четвертого подземного горизонта. В воздухе стоял стойкий запах пороховых газов, горелой изоляции и свежей крови. У стен лежали разоруженные, связанные пластиковыми стяжками бойцы Шахова. Один из них, с простреленным бедром, хрипел, поджав ноги.

Женя остановился возле него на секунду, его прецизионный взгляд хирурга моментально оценил характер ранения.

— Борз... — выговорил Женя, указывая тростью на раненого. — У него... пробита... бедренная артерия. Пульсиру-

ющая... гематома. Наложите... жгут «Турникет» строго на... проксимальную треть бедра, иначе... через три минуты... получите труп от геморрагического шока. Введите... два кубика транексама внутримышечно.

Боец «Альфы» удивленно глянул на девятнадцатилетнего парня, но приказ директора Сколково выполнил мгновенно, с силой затягивая стропу жгута выше раны. Лицо Жени оставалось ледяным — для Вознесенского любая человеческая плоть была лишь набором анатомических ориентиров.

— Сюда, — Алина потянула его за собой через полуразрушенную гермодверь с надписью «Сектор связи».

За дверью открылся просторный зал, который разительно отличался от советских коридоров бункера. Стены здесь были обшиты белыми композитными панелями, а в центре помещения, вместо старых ламповых стоек, стоял монолитный матовый куб размером с большой холодильник. От него во все стороны расходились толстые пучки оптоволоконных кабелей, уходящих к потолку, где через волноводы они соединялись с антеннами радиотелескопа РТ-64. Куб мерно светился мягким бирюзовым светом, а внутри него раздавался тихий, едва слышный ультразвуковой писк. Квантовый репитер Хроно-контроля первого поколения.

— Он активен, — Алина подбежала к терминалу управления, её пальцы быстро заскользили по сенсорной панели, которая активировалась от её биометрических данных. — Внешний шлюз будущего заблокирован, но локальная па-

мать заполнена. Здесь вся спецификация частот резонанса и таблицы синаптического картирования для переноса сознания!

— Скачивай... — Женя подошел ближе, тяжело дыша и опираясь обеими руками на трость. Боль в голове стала невыносимой, перед глазами поплыли серые круги, левая половина лица полностью онемела, потеряв чувствительность. — Никита... Соколов... должен получить... эти файлы до утра.

— Тормози, док, — вдруг раздался жесткий, насмешливый голос со стороны запасного выхода из зала.

Из темноты кабельного коллектора вышли трое. Впереди шел высокий мужчина в дорогом кашемировом пальто, наброшенном поверх бронежилета — Шахов-старший лично прибыл на объект. В его правой руке был зажат компактный пистолет-пулемет «Кедр», направленный прямо в грудь Жени. За его спиной стояли двое профессиональных ликвидаторов с автоматами, удерживая на мушке бойцов «Альфы», которые не успели развернуться в узком проходе.

— Ну надо же, сам молодой академик Климов пожаловал в мои скромные угодья, — Шахов-старший оскалился, его глаза были налиты кровью от ярости и бессонных ночей после гибели сына Дениса. — Ты думал, если твой папаша сел в кресло министра, а Полуянов прикрывает тебя своими ксивами, то вы хозяева Москвы? Ты убил моего сына, щенок. Денис был единственным, ради чего я строил эту номенкла-

турную вертикаль.

— Ваш сын... пытался... взорвать... Сколково, — хрипло, преодолевая дикое сопротивление челюстных мышц, ответил Женя. — Он погиб... от собственной... глупости. Жидкий азот... не прощает... ошибок.

— Закрой пасть! — Шахов дернул стволом, его палец на спусковом крючке побелел от напряжения. — Ты — биологический ублюдок. Я поднял твои медицинские карты из детской поликлиники Мэрии. Ты был тупым мажором с IQ ниже плинтуса. А теперь ты строишь из себя бога медицины? Что в этом кубе, Климов? Технологии, которыми вы траванули пол-Москвы? Я уничтожу этот сервер, а тебя закопаю прямо здесь, в бетоне. И никакая Администрация Президента тебя не найдет.

Алина в этот момент незаметно опустила руку под панель терминала, нащупывая аварийную кнопку перезагрузки квантового контура, которая могла вызвать мощный электромагнитный импульс.

Женя чувствовал, как сознание уходит. Левое полушарие готово было отключиться под ударом масштабного спазма сонной артерии. Ему нужно было выиграть тридцать секунд, пока Борз и основная группа «Альфы» обойдут Шахова с тыла через вентиляционные шахты.

— Шахов... — Женя сделал глубокий вдох, его правая рука медленно подняла трость, направляя титановый набалдашник в сторону чиновника. — Посмотри... на меня. Ты

видишь... мою походку? Мою речь? Я... умираю. Ваш «Альфа-Деструктор»... убивает это тело. Мне осталось... меньше месяца. Ты не получишь... мести. Смерть... уже забрала... твоего врага.

Шахов-старший на секунду растерялся, всматриваясь в перекошенное парезом лицо Жени, в его подрагивающую правую руку и безжизненную левую сторону тела. Эта секундная заминка высокопоставленного чиновника стала фатальной для его людей.

Сверху, из решетки вентиляционного короба, бесшумно выпали две светошумовые гранаты «Заря».

Ослепительная вспышка и оглушительный грохот в замкнутом пространстве бункера на секунду превратили реальность в ад. Ликвидаторы Шахова открыли слепой огонь в пустоту, но короткие очереди «Валов» из темноты мгновенно срезали обоих боевиков. Шахов-старший, зажимая глаза рукой, отшатнулся назад, беспорядочно паля из «Кедра» в сторону терминала.

Одна из пуль Шахова рикошетом отскочила от композитной панели и с глухим звуком вошла в правое плечо Жени Климова.

Вознесенский не почувствовал боли — шоковое состояние и сульфат магния заблокировали рецепторы. Но кинетическая энергия пули калибра 9-го миллиметра сбила его с ног. Трость отлетела в сторону, и Женя рухнул на кафельный пол, ударившись затылком. Вспышка фотопсии в левом гла-

зу сменилась абсолютной, непроглядной тьмой. Последнее, что он зафиксировал слухом перед тем, как провалиться в кому — это крик Алины: *«Копирование завершено! Борз, держи Шахова живым! Евгений Владимирович, не смейте отключаться! Никита, готовь операционную в Сколково!»*

Разум Марка Саламоновича Вознесенского погрузился в глубокий, ледяной анабиоз, оставив умирающее тело Климова на полу захваченного бункера Хроно-контроля.

ГЛАВА 5. Сражение в реанимации

Тяжелые герметичные двери реанимационного блока Б-3 Института Сколково разошлись с глухим шипением пневматики. Каталку со стабилизированным ложем, на которой лежало бледное, залитое кровью тело Евгения Климова, вкатили внутрь на максимальной скорости. Вокруг нее мгновенно сформировалась операционная бригада: Никита Соколов, уже на ходу затягивающий завязки стерильного халата, Алина Воропаева, державшая в руках извлеченный из Медвежьих Озер жесткий диск квантового репитера, и три реанимационные сестры.

— Давление — восемьдесят на сорок! Пульс — сорок два, выраженная брадикардия! Нарастает синдром Кушинга! — тяжело дыша, доложил врач-анестезиолог, кативший стойку с инфузоматами. — По дороге в броневику он дважды выдал судорожный статус по типу джексоновского марша в левой половине тела. Ввел десять миллиграммов реланиума внутривенно, эффект кратковременный. Левый зра-

чок — тотальный мидриаз, на свет не реагирует. Это вклинение, коллеги. Мы его теряем.

Никита Соколов остановился у изголовья каталки, его прецизионный взгляд моментально оценил гемодинамику. Пуля Шахова-старшего раздробила правое акромиально-ключичное сочленение, порвав подкожную артерию, но кровотечение в плече сейчас было вторичной проблемой. Главная катастрофа разворачивалась внутри черепа. Падение системного давления из-за потери крови вызвало критическое снижение церебрального перфузионного давления. Ишемизированная кора левого полушария, уже разрушенная диффузным склерозом, ответила стремительным, цитотоксическим отеком. Мозг набухал, увеличивался в объеме и начинал смещать ствол в большое затылочное отверстие, сдавливая центры дыхания и кровообращения.

— Быстро пятнадцать процентов маннитола — двести миллилитров внутривенно струйно! — скомандовал Никита, его голос звенел от напряжения, но пальцы оставались твердыми. — Следом — лазикс сорок миллиграммов. Нам нужно экстренно поднять осмолярность плазмы и вытянуть воду из интерстиция мозга. Алина, включай терминал инжектора. У нас нет времени на стерилизацию подвального контура. Монтируй софты Хроно-контроля прямо с колес!

Алина подбежала к центральной консоли управления проектом «Второй сосуд», которая была развернута за стеклянной перегородкой реанимационного зала. Её пальцы с

бешеной скоростью застучали по клавиатуре, подключая извлеченный накопитель к главному шинному интерфейсу Сколково.

— Синхронизация пошла, — выдохнула она, не оборачиваясь. На экранах консоли побежали каскады зеленых матричных кодов. — Алгоритм «Янус-64» распознан системой. Квантовый инжектор выходит на режим прогрева контура. Но Ник, без декомпрессии черепа матрица не привяжется! Из-за высокого внутричерепного давления синаптические поля Жени деформированы. Ты должен открыть коробку прямо сейчас, иначе квантовый поток Вознесенского просто отразится от коры и сожжет лобные доли!

— Готовьте набор для трепанации! — крикнул Соколов, прыгая к раковине для обработки рук. — Шестакова-старшего сюда, пусть страхует на гемостазе!

— Академик Шестаков заблокирован на верхнем уровне, — Кристина Шестакова ворвалась в шлюз реанимации, её лицо было бледным, а в руках она сжимала портативную рацию. — Шахов-старший арестован Полуяновым, но его помощники в Мосэнерго только что ввели в действие протокол аварийного отключения подстанции «Сколково-2». Нас перевели на резервные дизель-генераторы Института. Мощности хватит на поддержание жизнеобеспечения и ламп, но если Алина запустит квантовый инжектор — произойдет перегрузка сети. Нам нужно минимум триста киловатт чистой синусоиды для стабилизации магнитного поля контура!

— Плевать на сеть! — Никита ворвался назад в зал, на ходу принимая от сестры стерильный цапковый зажим. — Переводите все вспомогательные блоки Института в режим полного блэкаута. Отключайте вентиляцию административного корпуса, гасите свет в коридорах и виварии. Вся мощность — на инжектор и этот зал!

Тело Жени Климова уже было уложено на операционный стол с поворотом головы вправо. Сестра обработала левую половину черепа раствором йодоната и набросила стерильное белье. Никита взял в правую руку классический хирургический скальпель №20.

— Фиксирую ориентиры, — выговорил Соколов, ведя кончиком лезвия по коже. — Дугообразный разрез в левой лобно-теменно-височной области, начиная от козелка ушной раковины, проходя на два сантиметра латеральнее сагиттального шва и заканчивая у границы роста волос.

Одним мощным, точным движением Никита рассек кожу, подкожную клетчатку и апоневротический шлем до самой надкостницы. Кровь брызнула на стерильные простыни, но реанимационная сестра тут же прижала к краям раны зажимы Эсмарха, останавливая диффузное кровотечение из сосудов скальпа. Шестаков-старший отсутствовал, и Никита работал один за двоих, орудуя электрокоагулятором с ювелирной быстротой. Запах паленой органики мгновенно заполнил зал.

— Распатором отслаиваю костно-мышечный лоскут вме-

сте с височной мышцей, — тяжело дыша, комментировал Никита, уводя ткани книзу и фиксируя их на крючках-ре-тракторах Поленова. Обнажилась белая, шероховатая чешуя височной кости и теменной бугор.

— Давление падает — семьдесят на тридцать! Ритм — тридцать восемь! — выкрикнул анестезиолог. — Начинается терминальная стадия дислокации! До остановки сердца тридцать секунд!

— Пневмотрепан! — рявкнул Никита.

Он перехватил тяжелый инструмент с фрезой конической формы. Прижав наконечник к кости в лобной точке, Соколов нажал на педаль. Раздался резкий, высокочастотный визг сверла. Белая костная крошка полетела во все стороны. Фреза сработала идеально: как только сопротивление исчезло, автоматический блокировщик остановил вращение, не дав инструменту повредить твердую мозговую оболочку. Никита за две секунды наложил еще три фрезевых отверстия — в теменной, височной и затылочной точках.

Взяв пилу Джигли — тонкую стальную струну с витками проволоки, — он провел её через проводник от одного отверстия к другому. Несколько резких, размашистых движений руками — и костный лоскут размером с ладонь был полностью выпилен. Никита поддел его элеватором и удалил, бросив в стерильный физраствор.

Твердая мозговая оболочка (ТМО) левого полушария была неестественно напряжена, синюшного цвета, и буквально

выпирала в дефект кости. Она не пульсировала — мозг под ней был зажат, как в тисках.

— ТМО не вскрывать вслепую, порвем мостиковые вены, — Никита взял глазной скальпель и сделал крошечный, миллиметровый надрез оболочки. Из отверстия тут же под давлением брызнул прозрачный ликвор вперемешку с каплями темной крови. Давление внутри черепа слегка упало. Никита быстро продлил разрез ТМО крестообразно.

Обнажилась кора. Вид мозга заставил замереть даже опытную операционную сестру. Извилины были сглажены, отечны, а вся поверхность левого полушария была покрыта серовато-желтыми бляшками диффузного склероза. Мозг Вознесенского буквально плавился от перегрузки. Но как только ТМО была раскрыта, вещество мозга начало совершать едва заметные, вялые пульсирующие движения. Дислокация ствола была остановлена в последний момент.

— Давление пошло вверх — девяносто на пятьдесят. Пульс — шестьдесят четыре, — выдохнул анестезиолог, вытирая рукавом пот со лба. — Мы вернули его из клиники. Но это ненадолго, отек нарастает по периферии.

— Алина! — закричал Никита, отходя от стола и поднимая руки в стерильных перчатках. — Декомпрессия завершена! Синаптические карты раскрыты. Запускай инжектор!

За стеклом Алина Воропаева нажала финальную красную клавишу на панели.

— Протокол «Второй сосуд» активен, — её голос прозвучал

чал из динамиков интеркома абсолютно спокойно, лишенный всяких эмоций агента будущего. — Внимание. Начинаю подачу высокочастотного резонансного поля на титановую корону. Частота — сорок четыре гигагерца. Мощность — восемьдесят процентов.

В ту же секунду массивные кольцевые инжекторы, смонтированные над операционным столом, пришли в движение. Они опустились к голове Жени Климова, зависнув в пяти сантиметрах от обнаженной коры мозга. Воздух внутри реанимационного зала мгновенно наэлектризовался. На металлических частях оборудования заплясали крошечные, бледные искры статических разрядов. Лампы бестеневого освещения тускло мигнули, переходя на аварийный лимит аккумуляторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.